

Правда антов.
Пряслице Макоши.
Быль о Бусе
Белояре

Василина Владимирова

Василина Владимирова

Правда антов. Пряслице

Макоши. Быль о Бусе Белояре

<https://litres.ru/74273018>

SelfPub; 2026

Аннотация

Археолог Андрей Жарский давно похоронил мечту о настоящих открытиях. Он пишет скучные статьи в московском издании, пока этнограф Женя Морозова собирает фольклор в глухой деревне. Их встреча становится началом пути, который изменит всё.

На древнем капище они случайно пробуждают силу, дремавшую в земле тысячу лет. Андрей и Женя получают дар видеть то, что скрыто от других: волны времени, родовую память, нити судеб. Они проходят через храм Белобога, встречают богов и узнают страшную правду: чья-то злая воля планомерно стирала память целых народов, лишая их корней, силы и связи с предками.

Память начинает пробуждаться у всех — даже у тех, кто не готов её принять. Одни становятся оборотнями, другие говорят голосами предков, третьи видят духов леса. А боги молчат и ждут.

Это роман о том, что прошлое никогда не уходит. Оно живёт в нашей крови. И иногда стучится в дверь.

Содержание

Часть 1: Пряслице Макоши	4
Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	54
Глава 6	62
Глава 7	67
Глава 8	74
Глава 9	81
Г	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Василина Владимирова

Правда антов.

Пряслице Макоши.

Быль о Бусе Белояре

Часть 1: Пряслице Макоши

Пролог

В те времена, когда на славянских землях ещё не знали звона христианских колоколов, а в дремучих борах водились духи, о которых молчат даже преданья, жили племена северных славян. Они селились по берегам рек, возводили частоколы вокруг поселений, чтили богов, чьи имена передавались от отца к сыну вместе с секретами кузнечного дела и премудростями земледелия. Но пришла лихая година.

Весенняя ночь накрыла северные земли тяжёлым покрывалом тумана. Между древними соснами, куда не ступала нога непосвящённого, располагалось капище Макоши. Сюда, в урочище Светлый Ключ, где из-под корней священного дуба была родниковая вода, собралось всё племя.

Эта ночь была особенной. Здесь стояли все жители веси — от грудных младенцев до немощных стариков, которых поддерживали крепкие руки сыновей.

Семь больших валунов, принесённых в незапамятные времена прадедами с берега Студёного моря, образовывали правильный круг. В центре возвышался камень с круглым отверстием, похожим на пряслице для веретена. Это было священное пряслице Макоши, великой Прядильщицы судеб, той, что свивает нить человеческих жизней на Небесной Прялке. Рядом бушевал Ясный Огонь: его пламя взмывало ввысь, выхватывая из темноты лица и силуэты собравшихся.

Воздух был густым от дыма, пропитанным ароматом хвой и сладкой горечью жертвенных трав — полыни, черnobыльника, купальницы. В клубах дыма мелькали неясные очертания: духи предков встали в круг, чтобы быть свидетелями обряда.

В центре круга стоял Сый (Вечный), старейший хранитель древней мудрости — волхв. Его широкий плащ был сшит из медвежьей шкуры, добытой им самим в поединке с лесным владыкой. Лицо скрывала берестяная маска в виде черепа; в тёмных провалах её глазниц виднелись глаза волхва, полные мудрости и скорби веков.

Пристальный взгляд Сыя прошёлся по кругу. На миг все замерли, будто их пригвоздило к месту.

На алтарном камне, в выдолбленной чаше, покоилась зеркальная гладь родниковой воды, отражая пляшущие языки пламени. Вокруг лежали дары Макоши: ручные прялки с резьбой, мотки льняной пряжи, белой, как первый снег, глиняные фигурки домашних животных, колосья ржи, каравай хлеба, испечённый без соли, и большая чаша медового кваса. Всё, что питает и поддерживает человеческую жизнь, все плоды честных трудов лежали перед ликом великой богини.

Сый склонился над священным камнем и острым костяным ножом, вырезанным из бедренной кости тура, вывел древние знаки: спираль вечности — символ бесконечного круговорота времён; ёлочку Макоши — древо жизни; вол-

нистые линии людских судеб, переплетающихся в причудливом узоре. Завершив письма, он обратился к огню и взял моток белёного льна, обвитый красной нитью.

— Макошь Рожаница, пресветлая мать богов и плетельщица судеб людских! — возгласил волхв, соединяя в голосе кротость молитвы с грозной силой заклинания. — Прими жертву племени нашего! Пусть нить судьбы будет связана светлой рукой твоей! Сохрани детей наших от мора и глада, от меча вражьего и от забвения отцовского!

Волхв легко разорвал моток надвое и бросил льняные нити в костёр. Пламя взметнулось к звёздам, горячий поток воздуха подхватил пряди, но неведомая сила отбросила их прочь от огня. Люди затаили дыхание. Жертва была отвергнута — а это предзнаменование великой беды, грядущих перемен и испытаний.

Но Ясный Огонь продолжал пылать, и в треске углей и полёте искр прозвучали слова, идущие из самых глубин мироздания:

— Всё в мире обречено на перемены! Время пришло, когда древней судьбе суждено быть развязанной! Но я оставляю свою тропу для того, кто готов и сможет пройти по ней до конца и начать новый круг времён!

Волхв узнал голос, хотя никогда прежде не слышал его. Это говорил сам Чернобог — дитя тьмы, владыка тайны, провозвестник перемен, властитель колдовства и таинства смерти, справедливый судья и бесстрастный палач. Это он

некогда поднял твердь земную из безбрежных первобытных вод, это он устанавливает справедливость в мире, карая злых и награждая праведных. Значит, светлая Макошь не оставила своих детей, а возложила бремя их защиты на тёмного брата.

Огонь внезапно погас — будто невидимая божественная ладонь накрыла пламя. От костра остались лишь тлеющие угли, и среди них лежал небольшой камень, точная копия великого пряслица Макоши, только размером не больше куриного яйца. На его поверхности проступали те же священные знаки, что украшали алтарный камень: они светились изнутри слабым серебристым светом.

Жрец, не боясь жара углей, поднял пряслице голой рукой. Артефакт был тёплым, словно живым; по его поверхности пробегали едва заметные вибрации — будто в глубине камня билось чьё-то сердце. Сый бережно спрятал священный камень в высеченном углублении алтаря и присыпал его золой из кострища, землёй из-под ног, укрыл ветками можжевельника и листьями папоротника, создав надёжный тайник.

— Пусть только достойный найдёт нить судьбы, — прошептал он, обращаясь к невидимым силам. — Пусть кровь станет ключом к тайне, а не страх людской и не слёзы горькие.

Собравшиеся молча протянули руки к алтарю в древнем жесте единения с богами. В сердце каждого жила надежда, что свет рано или поздно вернётся на их земли, что тёмные

времена пройдут, как проходят зимние вьюги.

Волхв отошёл от потухшего костра, и его шёпот слился со звуками ночного леса, с шорохом листвы и далёким криком совы:

— Макошь светлая и Мара тёмная, белая пряха и тёмная сестра, сохраните ныне великую тайну. Пусть мрак откроется лишь тому, кто готов выдержать и боль познания, и дар ответственности.

Лес отозвался на заклинание: ветер подхватил слова волхва, среди деревьев мелькнули едва заметные силуэты духов предков — они встали в круг у алтаря и склонились над священным камнем в безмолвном благословении.

Уходя с капища, Сый бросил в остывающие угли краюшку хлеба и, глядя на место, где покоилось пряслице, произнёс пророчество:

— Придёт человек не нашего времени, но нашего рода, тот, чья кровь зазвучит в глубинах камня. Пусть будет даровано ему не только знание веков, но и судьба тех, кто жил до него, и тех, кто будет жить после. Пусть станет он мостом между мирами, хранителем равновесия, той нитью, что свяжет времена воедино.

На миг весь лес озарился странным светом — он шёл не от луны и не от угасшего костра, а из самых недр земли. Каменное пряслице вспыхнуло ярким серебряным сиянием, словно приветствуя день, который ещё не настал, но должен был прийти спустя многие века, когда старые боги проснутся от

долгого сна.

Тьма снова сомкнулась над капищем. Лишь ветер в соснах хранил память о совершённом ритуале, а где-то в вышине небес кружили вороны Чернобога, стерегушие священное место до времени.

Глава 1

Андрей Жарский ненавидел раннее утро будней. Ненавидел шипение растворимого кофе в пластиковой кружке, съёмную квартиру с запахом чужой жизни и работу в московском интернет-издании, которая семь лет назад выдернула его из провинции.

Высокий, широкоплечий, с короткой стрижкой и внимательными серыми глазами, он выглядел скорее как военный, чем как столичный журналист. Армейская выправка никуда не делась после срочной службы в десантных войсках, а привычка к дисциплине помогала укладываться в дедлайны.

История жила в нём с десяти лет — с того дня, когда он впервые держал в руках черепок древней керамики. Отец привёз его на каникулы в Старую Рязань. Николай Иванович работал в областном музее простым смотрителем, но знал о древностях больше иных кандидатов наук. Мать, Галина Петровна, преподавала историю в районной школе.

— Каждый черепок — это письмо от наших предков, — говорила она, показывая сыну фотографии раскопок. — Только читать его надо не глазами, а сердцем.

В тот первый раз на раскопках из земли показался фрагмент славянского браслета. Когда Андрею разрешили подержать находку, металл оказался неожиданно тёплым. На миг время будто качнулось: он услышал далёкие голоса, ощутил

прикосновение рук, когда-то носивших это украшение.

— У тебя дар, — сказал руководивший раскопками археолог. — Не каждый может так чувствовать прошлое.

С тех пор Андрей проводил каникулы в экспедициях. Научился различать керамику по форме черепков, датировать находки по стратиграфии, читать культурные слои. В тринадцать лет твёрдо знал: станет археологом.

Отец предупреждал: — Наука — это не только романтика, Андрюша. Это ещё и политика, и деньги. Не всё там чисто.

Он рассказывал, как приходилось замалчивать неудобные находки, переписывать отчёты, увольнять талантливых исследователей за неправильные выводы. Юношеский максимализм не принимал компромиссов. Андрей поступил на исторический факультет МГУ с твёрдым намерением изменить российскую археологию. Глотал книги и теории, ощущая себя посвящённым в тайны человечества.

Разочарование приходило постепенно. Сначала — мелочи: научный руководитель требовал переписать курсовую в угоду собственной теории. Потом Андрей стал свидетелем интриг на кафедре из-за грантов. Дальше — серьёзнее: давление застройщиков на экспедиции, фальсификация результатов ради финансирования.

Переломным стал случай на раскопках в Подмосковье, когда он учился на четвёртом курсе. Экспедиция обнаружила следы древнего поселения, которое могло изменить представления о дате расселения славян в этом регионе. Но уча-

сток уже продали под застройку, а заказчику нужна была справка, что земля археологически чиста. Научный руководитель без колебаний подписал бумагу.

Когда Андрей попытался протестовать, тот холодно объяснил: — Наука — это не только поиск истины. Это ещё и умение жить в реальном мире.

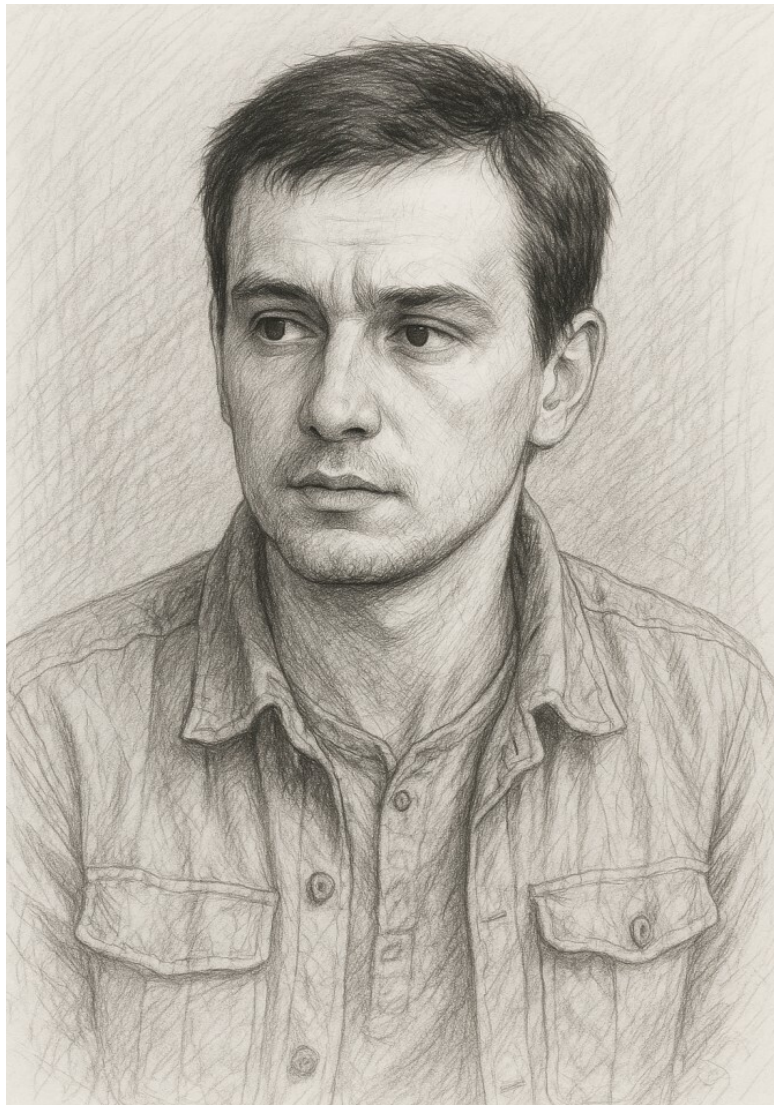
После этих слов внутри у Андрея будто что-то оборвалось. Заниматься наукой по указке означало предавать память предков, превращать священное в профанное. Диплом он защитил, но в аспирантуру не пошёл — подался в журналистику.

Московское издание охотно взяло историка с хорошим образованием для аналитических материалов. Семь лет спустя Андрей получал приличную зарплату и регулярно помогал родителям. Но каждое утро, глядя в зеркало, видел человека, который променял призвание на стабильность.

За эти годы он накопил солидную сумму. Деньги откладывал на мечту: поездки в генуэзские архивы, французские библиотеки, к документам о торговле новгородцев с итальянскими купцами. Пока мечта оставалась мечтой.

Москва держала его в ритме: подъём, метро, работа, пробки. Ритм стал привычкой, привычка — цепью. Съёмная однокомнатная хрущёвка на окраине, призванная быть временным пристанищем, стала фактом реальности: это «временное» растянулось на долгие годы. Его окружала пошарпанная мебель с распродаж, продавленный диван, громко ра-

ботающий холодильник-раритет из прошлого века.

Работа в «Московских новостях плюс» давала стабильный доход. Редакция размещалась в бизнес-центре на Таганке. Коллеги были образованными людьми с учёными степенями, ушедшими из науки в более прибыльную сферу. Непосредственный начальник — жёсткий, но справедливый человек — ждал от Андрея профессионализма.

Андрей писал аналитические статьи о политике, экономике, социальных проблемах. Выработал чёткий подход: проверенные факты, взвешенные выводы. Статьи пользовались спросом, зарплата росла. Но каждый раз, садясь за материал о бюджетной политике или чём-то подобном, он чувствовал внутреннюю пустоту. Писал о делах, которые завтра станут никому не нужны, в то время как прошлое оставалось единственным, что действительно имело вес.

В свободное время он читал археологические журналы, следил за открытиями в Новгороде, Пскове, Гнездове. Эти знания не применялись в работе, но поддерживали связь с призванием.

Особенно тяжело давались культурные репортажи. Каждый разговор с археологом или историком становился напоминанием о несбывшейся судьбе: в их горящих глазах отражалась жизнь, которой у него больше не было.

По выходным он ездил в московские музеи — Исторический, «Коломенское», «Зарядье». Бродил там как паломник, рассматривал экспонаты из тех мест, где когда-то работал.

В изгибе древнего браслета видел движение руки мастера, в орнаменте на горшке — отражение мировоззрения народа.

Возвращаясь домой, чувствовал странную смесь удовлетворения и тоски. Прикосновение к настоящему было временным: завтра снова наступала рутина.

Ранним апрельским утром Андрей бежал по скверу рядом с домом — единственная дань здоровому образу жизни, сохранившаяся с университетских времён.

Небольшой сквер среди панельных домов: старые липы, скамейки, детская площадка, неработающий фонтан. По утрам здесь было тихо, только дворник в оранжевом жилете подметал дорожки.

Андрей бежал размеренно, кроссовки ритмично стучали по асфальту. Пробегая мимо детской площадки, он вспомнил, как в детстве строил города из песка, лепил из глины древние керамические сосуды. Мать тогда говорила: — Учиться понимать прошлое через руки — это правильно, сынок.

Поворачивая к выходу, он заметил первые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь ветви лип. На деревьях едва проклевывались почки. Весна в Москву приходила неохотно, а не как в провинцию, где она преображала мир, словно полноправная хозяйка.

Замедляя шаг у подъезда, Андрей поймал себя на мысли о парадоксе своей жизни. Внешне — успех: работа, доход, уважение коллег. Родители гордились, друзья завидова-

ли. Но внутри он ощущал себя как тот заброшенный фонтан в сквере: когда-то полный жизни, теперь пустой.

Он посмотрел на часы. Время для размышлений кончилось — начиналась московская суeta. Впереди душ, кофе, метро. Ещё один день человека, который когда-то мечтал менять мир.

Но где-то в глубине души теплилась надежда. Может, сегодня произойдёт что-то неожиданное. Может, жизнь наконец подарит тот самый шанс.

Поднимаясь по ступенькам, Андрей не знал, что этот обычный апрельский день станет началом удивительного приключения. Что вечером он встретит человека, который предложит ему то, о чём он мечтал годами. Что судьба уже вела его навстречу прошлому.

А пока он просто открыл дверь квартиры и шагнул в привычный рабочий день — тот самый, что спустя несколько часов заставит его сердце забиться в такт древним напевам.

Глава 2

Ранним утром в деревне Женя встречала рассвет одинаково: чашка крепкого чая и планшет, заполненный записями местных напевов.

В шесть под окнами Дома досуга проносились машины — местные спешили на работу в город. Чуть позже на улице появлялись пенсионеры и с подозрением поглядывали на окна: — Не понятно, чего тут городские-то ищут?

Женя знала, что это недоверие скоро растворится в буднях. Так бывало в каждой деревне, куда она приезжала с экспедицией.

Евгения Александровна Морозова пришла в фольклористику не случайно. Среднего роста, с русыми волосами, собранными в небрежный пучок, и внимательными карими глазами, она выглядела именно так, как люди представляют себе исследователя народной культуры: простая одежда, удобная обувь, единственное украшение — бабушкино серебряное кольцо. Но главное было не во внешности, а в том особом даре, который в их семье передавался из поколения в поколение.

Прабабушка Устинья Григорьевна слыла в селе Калачиха лучшей сказительницей на всю округу: знала былин больше, чем дней в году, и каждую рассказывала так, будто сама участвовала в тех событиях. Дедушка Александр Устинович

в послевоенные годы собирал фольклор по Архангельской губернии, записывал былины и духовные стихи. В его дневниках хранились не только тексты, но и описания быта, обычаев, верований северных крестьян.

— Фольклор — это не музейная редкость, внученька, — говорил он маленькой Жене. — Это живая память народа. В каждой песне закодирована мудрость веков.

Бабушка Клавдия Семёновна помнила обрядовые песни, заговоры, приметы. От неё Женья узнала, что фольклор — это не просто красивые слова, а способ взаимодействия с миром. А мать, этномузыколог, научила её слушать не только текст и музыку, но и тишину между ними.

В детстве Женья не задумывалась, насколько её семья отличается от других. А в школе это стало особенно заметно: для одноклассников народная культура была пережитком прошлого, чем-то стыдным, а для неё она была так же привычна и необходима, как воздух.

Переломный момент наступил, когда двенадцатилетняя Женья услышала запись былины о Волхе Селяниновиче в исполнении архангельского сказителя Рябинина. Голос был настолько напевен и убедителен, что время будто остановилось. Это была не просто песня о древнем богатыре — это был живой голос прошлого, обращённый лично к ней.

— Ты слышишь? — спросила мать, заметив, как изменилось лицо дочери. — Это зов крови. Наш род всегда умел слышать голоса предков. У тебя этот дар есть.

С того дня Женя не сомневалась в выборе пути. Поступила на филологический факультет МГУ, защитила диплом по мифологическим мотивам в волшебных сказках, затем кандидатскую о трансформации обрядового фольклора в советский период. Теперь она руководила этнографической экспедицией.

По договорённости с сельсоветом группа разместилась в местном Доме досуга — бывшем клубе со скрипучими половицами и подсобными комнатами. Удобства во дворе, горячей воды не было, зато в большом зале хватало места для группы и оборудования.

Все спали в спальниках на надувных матрасах. Женя обустроила рабочее место в бывшей костюмерной: стол из козел и доски, складной стул, полки для аппаратуры. Здесь она вечерами обрабатывала записи, переводила их в цифровой формат.

Экспедиционная группа была подобрана тщательно. Заместитель Жени, Сергей Викторович Ковалёв, — доцент лет сорока, специалист по инструментальной музыке. В экспедициях он был незаменим: мог починить аппаратуру, организовать быт, сгладить любой конфликт.

— Женья, ты прирождённый полевик, — говорил он. — Но увлекаешься и забываешь о технической стороне.

И правда: Женья могла так погрузиться в разговор, что забывала проверить запись или заряд батарей. Сергей Викто-

рович молча следил за деталями, позволяя ей и остальным сосредоточиться на главном.

В группе работали два аспиранта. Марина Петрова писала диссертацию о свадебной обрядности. Высокая блондинка с аккуратной причёской, она выглядела слишком городской, но быстро адаптировалась. Сначала местные бабушки отнеслись к ней с подозрением — «больно наряжена», — но искреннее уважение к их знаниям быстро сменило недоверие симпатией.

Дмитрий Соловьёв изучал календарную обрядность. Невысокий, коренастый, с бородой, он умел находить общий язык с деревенскими мужчинами. Сам заядлый рыбак и охотник, он мог часами беседовать с местными мужиками, незаметно подводя разговор к старинным обычаям.

Студенты третьего–пятого курсов имели свои специализации. Аня Васильева собирала детский фольклор, Пётр Кузнецов интересовался быличками и преданиями. Особенно выделялась Катя Рыбакова — высокая, худая девушка с длинными чёрными волосами. Она готовила диплом о похоронной обрядности и обладала странной способностью находить самых знающих информантов. Старушки чувствовали в ней родственную душу и охотно рассказывали то, о чём не говорили другим.

Женя внимательно следила за работой каждого. Проводила ежедневные планерки, организовывала вечерние обсуждения в большом зале. Студенты делились впечатлениями,

рассказывали про интересные находки дня. Коллективное осмысление помогало лучше понять значение материала.

— Здесь дети знают игры, которые не встречались нигде больше, — замечала Аня. — Как будто они сохранились только в этой деревне.

— А местные былички имеют особый колорит, — добавлял Пётр. — Часто упоминаются древние места, старые урочища.

Женя поощряла такие наблюдения: молодые исследователи нередко замечали детали, ускользавшие от более опытных коллег.

Отношения в группе были дружескими, но дисциплинированными — без панибратства и амбициозного снобизма. Женя сочетала демократичность с требовательностью: никогда не повышала голос, но при необходимости проводила индивидуальные беседы.

Быт строился на взаимопомощи: готовили по очереди, убирались вместе, оборудование переносили сообща. Женя подавала пример и не чуралась никакой работы.

Особую роль играли вечерние чаепития. После ужина группа собиралась вокруг самовара из местного музея. За чаем с вареньем обсуждали не только рабочие вопросы: Женя рассказывала о прошлых экспедициях, Сергей Викторович делился историями из археологических поездок, студенты говорили о планах.

Постепенно местные жители привыкли к университет-

ской группе. Женя терпеливо объясняла всем желающим смысл своей работы, подчёркивала ценность народной культуры. Недоверие сменилось интересом, а затем и гордостью.

— Значит, наши дедовские песни в Москве изучают? — удивлялись бабушки. — Значит, они кому-то нужны?

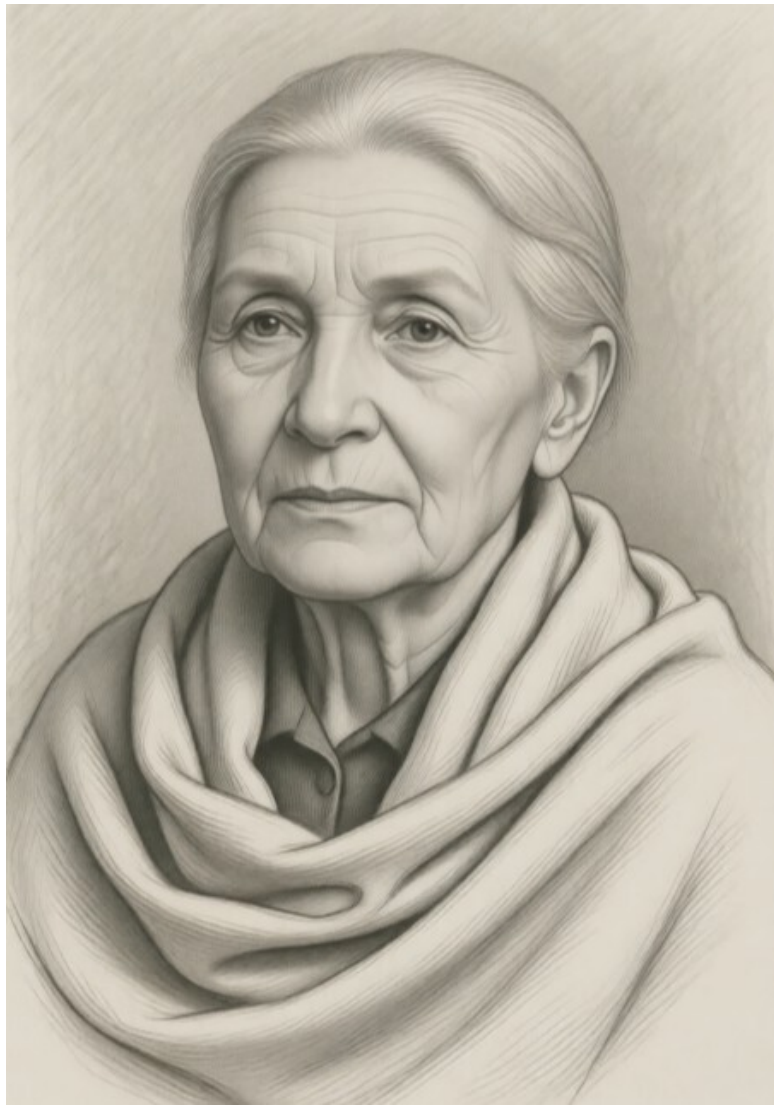
Женя отвечала, что народная традиция — это сокровище для будущих поколений, что такие знания уникальны и бесценны, а без них история культуры остаётся неполной. Её слова находили отклик, и жители охотно делились воспоминаниями.

Экспедиция была рассчитана на три месяца с посещением четырёх деревень, основанных в XIV–XV веках. Женя планировала собрать полную картину локальной фольклорной традиции. Первые недели показали: материал действительно уникален, многие записанные тексты не имели аналогов в других областях.

Сегодня Женя направлялась к Антонине Фёдоровне Ключниковой — главной сказительнице деревни. О ней говорили с особым уважением не только здесь, но и в соседних сёлах. Местные утверждали, что знания достались ей от бабки, которая «людей травами да шепотками пользовала».

Дом Антонины Фёдоровны стоял на краю деревни, где улица упиралась в ельник. Крепкая изба старой постройки: резные наличники выкрашены синей краской, на ставнях — традиционные узоры, а на фасаде — спутниковая тарелка,

будто мост между веками. Во дворе росли яблони, под одной из них стояла лавочка для вечерних посиделок.

Женя знала: к таким людям нужно подходить деликатно. Антонина Фёдоровна не из тех, кто охотно разговаривает с любым приезжим. Сначала присматривается, изучает, потом решает, стоит ли человек внимания.

На стук в калитку откликнулась женщина лет семидесяти — стройная, высокая, с седыми волосами, заплетёнными в косу и собранными в изящную корону. Её светло-голубые глаза словно проникали в душу. Тёмно-синее домашнее платье и мягкий вязаный платок, небрежно накинутый на плечи, придавали облику особую теплоту и достоинство.

— Вы, стало быть, из университета? — Она окинула Женю оценивающим взглядом. — Про старые песни спрашивать пришли?

— Да, Антонина Фёдоровна. Меня зовут Евгения Александровна. Изучаю народную традицию, и мне сказали, что вы лучше всех знаете старину.

Женщина помолчала, продолжая изучать гостью. Потом кивнула: — Ладно, заходите. Чаю попью, поговорим. Только сразу предупреждаю: не всякому сказываю. Сначала погляжу, какой человек.

Дом внутри был чистый и уютный. Русская печь с белыми изразцами, лавки с резными спинками вдоль стен. Старые фотографии в рамках, вышитые рушники, иконы в красном углу. На подоконниках — герань и фиалки. Круглый стол у окна под нарядной скатертью, старинный комод с кружевны-

ми салфетками... и современный телевизор, который здесь выглядел одновременно чуждо и естественно.

Антонина Фёдоровна провела гостью к столу, включила чайник. Пока вода закипала, а чай заваривался, хозяйка молча рассматривала Женю, и та чувствовала этот взгляд как физическое прикосновение.

— Дед мой сказывал, — начала хозяйка, наливая чай в стаканы с подстаканниками, — есть люди, которые понимают старое слово, а есть те, кто только слушает. Вы из каких?

— Надеюсь, из понимающих, — ответила Женя. — Выросла в семье, где народную традицию знали и уважали. Дедушка тоже собирал фольклор, даже в военные годы.

Глаза Антонины Фёдоровны потеплели: — Это хорошо. А то приезжают, записывают нас, а потом пишут в журналах что попало, ерунду всякую. Думают, народ тёмный, поверит.

Она подошла к сундуку, достала потрёпанную тетрадь в клеёнчатой обложке.

— Вот, гляньте. Моя бабка писала, Анисья её звали. Грамоте обучалась при барине, ещё до революции. Записывала всё, что от своей бабки слышала. Говорила: «Не доверяй памяти, внученька. Память обманет, а что написано — то написано».

Женя осторожно взяла тетрадь. Страницы были исписаны выцветшими чернилами, почерк — старательный, округлый. Тексты песен, заговоров, описания обрядов, даже рисунки: схемы хороводов, изображения обрядовых предметов.

— Это бесценно, — прошептала Женя. — Такие записи — большая редкость.

— Бабка не простая была, — продолжила Антонина Фёдоровна. — Говорили, ведьма. Ну да, ведьма. Ведала травы, людей лечила, роды принимала, от порчи избавляла, семьи мирила. Доброта в ней была.

Она подлила Жене чаю, придвинула варенье.

— А вы не боитесь такого? Не все учёные люди верят, не все хотят знать.

— А вы сами верите? — осторожно спросила Женя.

Антонина Фёдоровна усмехнулась: — Как не верить, коли своими глазами видела? Заболел у нас мальчишка, Сенька Козлов. Врачи руками развели: «Ничего сделать не можем». А бабка посмотрела и говорит: «Это не болезнь, это порча». Три дня парнишку лечила заговорами да травами — как рукой сняло.

Женя слушала, затаив дыхание. В семейных рассказах она слышала подобное, но здесь, в доме, пропитанном духом старины, такие слова звучали особенно убедительно.

— В наших краях места особые, — продолжала Антонина Фёдоровна. — Силы здесь разные водятся. За лесом есть урочище, Ключи называется. Родник бьёт студёный. Говорят, кто с чистым сердцем воды попьёт — здоровье получит. А кто с дурными мыслями — заболит пуще прежнего.

— А вы там бывали?

— Как не бывать? В детстве мать водила, воды набрать.

Место красивое, тихое. Только странное что-то есть. Время там по-другому течёт. Придёшь на часок, а домой возвращаешься — уж вечер на дворе.

Женя почувствовала, как участилось сердцебиение. Подобные рассказы встречались в фольклоре многих народов, но здесь они звучали не как сказка, а как живое свидетельство.

— А что там можно увидеть?

— Разное. Кто предков встречает, кто будущее видит. А кто и страшное что. Не зря старые люди детей не пускали. Говорили: «Подрастёшь — сама поймёшь, куда можно ходить, а куда нет».

Разговор прервал телефонный звонок. Женя вздрогнула: в атмосфере старинного дома современные звуки казались инородными и слишком резкими. Антонина Фёдоровна извинилась и пошла отвечать.

Оставшись одна, Женя осмотрелась внимательнее. В углу, рядом с иконами, стояли предметы, которых раньше не замечала: старая деревянная фигурка, связка засушенных трав, камень необычной формы с выбитыми знаками.

— Это обереги, — сказала вернувшаяся хозяйка, заметив направление взгляда гостыи. — От бабки остались. Говорила, дом защищают от дурного глаза и злых сил.

— А символы на камне что означают?

Антонина Фёдоровна подошла ближе, взяла камень: — Не знаю. Это очень старое что-то. Бабка нашла его на том уро-

чище, про которое рассказывала. Говорила, знаки от древних людей остались, что до нас здесь жили. Богам молились, жертвы приносили.

Женя попросила разрешения сфотографировать камень. Наводя объектив, она вдруг заметила, что знаки на мгновение будто зашевелились. Моргнула, посмотрела снова — всё было как обычно.

— Чудится, — пробормотала она.

— А может, и не чудится, — мягко сказала Антонина Фёдоровна.

Вернувшись в клуб, Женя долго не могла успокоиться. Разговор с Антониной Фёдоровной оставил в душе странный, тягучий след: будто приоткрылась дверь в пространство, где время течёт иначе, а привычные границы между «реальным» и «сказочным» теряют чёткость.

Она вновь и вновь прослушивала записи, вглядывалась в фотографии — особенно в снимок камня с загадочными знаками. В каждом штрихе ей теперь чудилась скрытая логика, словно эти символы были не просто рисунком, а посланием, ключ к которому она пока не нашла.

В исполнении Антонины Фёдоровны былины звучали так, как Женя слышала только однажды — в далёком детстве. Голос сказительницы был напевен, глубок, убедителен, но в нём звучало что-то ещё: древняя мудрость, знание тайн, которые не записывают в учебники. И именно это «ещё» не да-

вало Жене покоя.

Сергей Викторович, просматривая записи, заметил: — Интересная информантка. Но не слишком ли много внимания мистической стороне? Мы учёные, а не охотники за привидениями.

Женя задумалась. Действительно, её всё больше притягивали не столько сами тексты фольклорных произведений, сколько рассказы о необычных явлениях местной традиции. Но разве это не часть живой культуры, которую она изучала? Разве можно отделить «песню» от веры в её силу, обряд — от ощущения, что он действительно способен менять мир?

Вечером она позвонила научному руководителю, попросила продлить работу в деревне: — Елена Борисовна, здесь уникальный материал. Такой концентрации архаических элементов я ещё не встречала. Нужно время, чтобы всё зафиксировать.

— Хорошо, Женя. Но не увлекайтесь. Помните, что пишете научную работу, а не роман о таинственном.

Слова Елены Борисовны прозвучали как осторожное напоминание, но Женя уже чувствовала, что в этих местах граница между наукой и тайной невероятно тонка. И что впереди её ждут открытия, которые не укладываются в рамки обычного академического исследования.

Глава 3

Апрельское утро встретило Андрея привычной московской суетой. После пробежки в сквере, душа и поспешного завтрака он ехал в метро, предчувствуя очередной рабочий день в редакции. Монитор, новостная лента, кофе в пластиковом стаканчике — отлаженный ритм столичной жизни.

Щёлкая мышью по заголовкам, Андрей невольно вспоминал былую страсть к археологии. Настоящая история началась не с экрана компьютера, а с лопаты и кисточки, с запаха сырой земли и трепета прикосновения к прошлому. В памяти всплывали раскопки школьных и студенческих лет: остатки древнего капища, где в воздухе слышен шёпот веков, где каждый камень будто хранил силу предков.

Размышления прервал голос главного редактора: — Жарский, у тебя задание. В Главном храме Вооружённых сил сегодня концерт духовной музыки. Тема патриотическая, военная и историческая — как раз твоя специализация. Нужен качественный, обстоятельный материал, с атмосферой и деталями.

Андрей согласно кивнул. Он не раз бывал в этом храме, так что место было ему знакомо. Оно производило сильное впечатление, но почему-то всегда оставляло странное ощущение недосказанности.

— К полудню будь на месте. И не забудь фотографии —

читатели любят картинки.

В это же утро в деревне, в трёх часах езды от Москвы, Женя наблюдала привычную сельскую суету. Под окнами Дома досуга проносились машины: местные жители спешили на работу в город. В самой деревне работы почти не было. Затем на улице появлялись пенсионеры и с любопытством поглядывали на окна: «Чем это они там заняты?»

Работа экспедиции шла по плану. Вчерашний разговор с Антониной Фёдоровной дал богатый материал: записи уникальных былин, описания старинных обрядов, рассказы о загадочных местах силы. Женя готовилась к новому дню полевой работы, проверяя заряд диктофона и просматривая список вопросов.

Планы нарушил звонок научного руководителя.

— Женя, тебе срочно нужно быть в Москве. Сегодня проводят конференцию по фольклору — участие обязательное. И ещё одно дело: в Главном храме концерт, там будут важные люди из министерства. Нам нужно присутствие.

— Елена Борисовна, но у меня экспедиция! Сейчас самый продуктивный период, информанты расположились...

— Это приказ, а не просьба. Оставляешь Сергея Викторовича за главного и приезжаешь, а к ночи вернёшься в свою деревню.

Женя с досадой отложила телефон. Академическая суета вновь вмешивалась в настоящую работу. Но тема конференции была созвучна теме докторской диссертации, которую

она писала третий год. А против концерта духовной музыки она ничего не имела — напротив, считала такое стечение обстоятельств удачей.

Андрей прибыл к храму заранее: хотелось не просто осмотреться, а впитать тишину этого места, пока оно ещё не наполнилось голосами и шагами.

Главный храм Вооружённых Сил стоял на холме, будто вырос из самой земли, пропитанной памятью. Его стены, облицованные малахитом и бронзой, не блестели — они словно удерживали свет внутри, как древние щиты, веками принимавшие удары, но не сломавшиеся. Купол, округлый и строгий, напоминал шлем богатыря, защищавшего Русь в час испытания.

Сам храм был не монументом, а живым воином: плечистым, непоколебимым, с каменным дыханием и взглядом, устремлённым сквозь века.

Всё здесь было продумано до мелочей, и всё было символично: высота храма отражала количество лет, прошедших с Победы; в диаметре купола — 19,45 метра — была увековечена дата окончания Великой Отечественной войны. Но эти цифры не кричали — они шептали. Их чувствовал не ум, а тело: лёгкое замедление шага, напряжение в груди, странная ясность в голове.

Барельефы на фасаде не украшали — они свидетельствовали. Ордена, вырезанные в бронзе, не блестели, а хранили тепло тех, кто их носил. Панно с битвами не рассказывали

историю — они держали её на весу, как свечу над могилой. Здесь не было пафоса. Было достоинство — тяжёлое, сдержанное, как молчание ветерана перед портретом погибшего друга.

Особое впечатление производила Дорога памяти — галерея мраморных плит с золотыми именами павших. Герои разных эпох, от советских солдат до участников современных конфликтов, были объединены общей судьбой служения Родине.

Здесь невозможно было торопиться. Земля, пропитанная дыханием войн и памятью поколений, требовала размеренного шага, тихой речи, глубоких размышлений. Воздух был насыщен особой торжественностью, которая заставляла думать о вечном.

Андрей чувствовал в этом месте зов крови — связь, передающуюся через века от предков-защитников. Но было и странное ощущение: путь к храму был наполнен мощной энергией поколений, а у самого порога этот поток словно истончался, превращаясь в едва заметный ручеёк.

Ему вспомнилось древнее капище, на раскопках которого он работал ещё школьником. Там от разрушенных временем валунов исходила такая сила, что казалось — стоишь под куполом невидимого собора, где тени предков дарят благословение. Здесь же складывалось впечатление, что современная архитектура не могла в полной мере вместить всю мощь исторической памяти: часть этой силы будто рассеива-

лась в пространстве, ожидая того, кто сумеет её воспринять.

Женя добралась до храма прямо с конференции, боясь опоздать на концерт. Торопливо поднимаясь по ступеням, она случайно задела плечом мужчину с фотоаппаратом.

— Извините! — она автоматически обернулась и застыла от неожиданности. — Андрей? Жарский?

— Женя! Не может быть! — Андрей отложил камеру и широко улыбнулся. — Сколько лет, сколько зим!

Они были знакомы ещё с первого курса университета, а после окончания виделись редко, хотя и созванивались, и переписывались в соцсетях.

По мнению Жени, Андрей стал выглядеть старше своего возраста: у него появились морщинки у глаз, да и в целом он возмужал. Но взгляд остался прежним — внимательным, ищущим.

Женя понимала, что и сама изменилась — и не только внешне. Она стала собраннее, увереннее; в ней чувствовался опыт полевой работы.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Женя.

— По работе. Редакция послала освещать концерт. А ты?

— Научрук заставил приехать из экспедиции. Говорит, важные люди будут, нужно показаться.

— Экспедиция? Где?

— В глубинке, этнографию собираю. Буду три месяца в деревнях фольклор записывать.

В голосе Жени звучала радость: она занималась тем, что

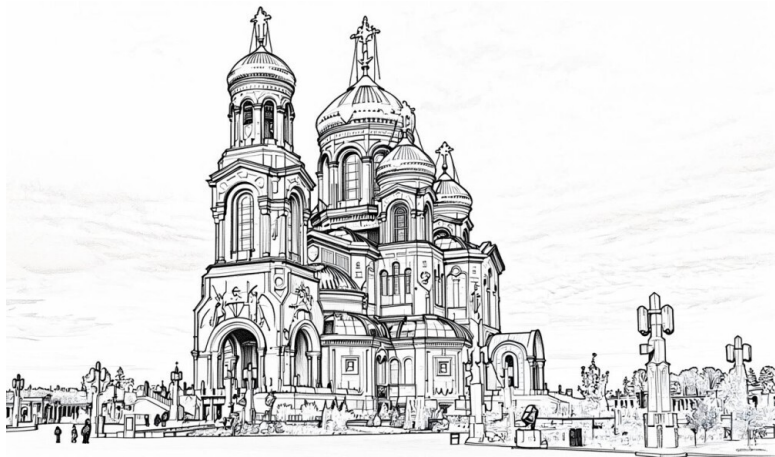
любила.

— А я всё в журналистике. Деньги хорошие, но... — он пожал плечами.

— Но не то, о чём мечтал?

— Именно.

— Прости, — сказала Женя, — боюсь опоздать.

Андрей согласно кивнул, и они одновременно вступили под своды храма.

Внутри храм поражал грандиозностью. Гигантский купол с мозаикой Спаса Нерукотворного, бронзовые иконостасы с полудрагоценными камнями, витражи с изображениями орден — всё создавало атмосферу торжественной красоты.

Зал наполнялся людьми: военные в парадной форме, ве-

тераны с орденскими планками, представители духовенства, простые москвичи и гости столицы. Женя проверила диктофон: хотела записать хотя бы фрагменты музыки для личного архива. Андрей выбирал ракурсы для съёмки, стараясь передать не просто масштаб, а дыхание этого места.

Когда на клирос поднялся хор Валаамского монастыря и зазвучали первые аккорды Херувимской песни, пространство преобразилось. Мужские голоса, сливаясь в единое звучание, создавали музыкальную молитву такой силы, что у многих на глазах выступили слёзы.

Женя почувствовала, как время изгибается и расслаивается. Музыка становилась мостом между эпохами: современный храм наполнялся отголосками молитв из деревянных церквей XV века, из разрушенных соборов, из полевых служб военного времени. Словно голоса тех, кто ушёл, отвечали ныне поющим — не издалека, а из самой плоти звука, из каждой ноты, из каждого вздоха хора. И музыка становилась рекой памяти — глубокой, тёмной, несущей в себе эхо всех времён.

Андрей, всегда гордившийся своим прагматизмом, вдруг с поразительной ясностью вспомнил, как в юности держал в руках медную подвеску, найденную при раскопках у кострища. Тогда она была просто археологической находкой — холодной, немой, лишённой смысла. А теперь, под сводами храма, он впервые понял, что этот металл когда-то согревался чьими-то ладонями: матери, молившейся о благополучии

сына или дочери; мужчины, благодарившего Бога за хороший урожай; ребёнка, мечтавшего совершить в жизни великий подвиг.

И вот хор заговорил. Голоса, рождённые столетия спустя, отзывались в сознании Андрея чувством, что кто-то из далеких предков тихо положил свою тяжёлую, мозолистую руку ему на плечо. Время будто замкнулось в кольцо, и прошлое наконец получило ответ: осознание, что память жива, и он — её часть.

Концерт завершился исполнением «Молитвы ратника». Хор Валаамского монастыря поднял голоса — не громко, но так, что каждый звук, каждое слово ложились на сердце благословением.

«Благослови оружие, Господь, бесстрашно в бой идущего солдата...»

Эта молитва родилась в тяжёлые годы Первой мировой, но то, что в ней звучало, — мольба о защите, а не о мести, просьба о силе для правого дела, а не для разрушения, — было сказано задолго до её рождения. И на Бородинском поле солдаты шептали перед боем: «Господи, дай мне сил стоять за Русь, а не за славу свою». В окопах Великой Отечественной солдаты — вчерашние крестьяне — писали эту молитву на обрывках бумаги, шептали в бою, произносили громко и жёстко, так, чтобы каждое её слово было впечатано в бетон, когда освобождали узников концлагерей. Она звучала в блокадном Ленинграде — не в соборах, а в цехах, на позициях,

на Дороге жизни: её произносили едва шевелящиеся губы обессилевших от голода людей, которые все остатки своих сил отдавали на защиту города, на защиту страны. И она же — в ином обличье, но с той же болью и надеждой — прозвучала в мае сорок пятого, не в ликовании, а в тихой скорби тех, кто выжил, о тех, кто не дожил до Победы.

Теперь, под сводами Главного храма Вооружённых Сил, она стала чем-то большим, чем песнь. Это был обет: не мстить, не губить, а защищать — даже ценой собственной жизни.

Женя закрыла глаза. Ей показалось, что сквозь голоса современных певчих проступают другие — хриплые, уставшие, но не сломленные. Андрей почувствовал, как по коже пробежала дрожь: это была не музыка. Это была клятва — обет, повторяющийся веками.

Прошлое, настоящее и будущее сошлись здесь, у алтаря, не в символе, а в едином дыхании. И в этом дыхании — живые, ушедшие и ещё не рождённые — становились одним щитом, одной плотью, одним народом.

Выходили из храма медленно, не желая разрушать возникшее состояние. По аллеям мемориального комплекса шли молча: слова были лишними. Но как бы ни старались затянуть путь, выход с территории храмового комплекса становился всё ближе.

— Не хочется сразу в метро, — сказала Женя.

— И мне. Давай где-нибудь посидим.

Бродя молча, они наконец нашли небольшое кафе с видом на храм. Зал был полупуст, и они устроились за столиком у окна, чтобы видеть купола, золотящиеся в вечернем свете.

Впечатление, полученное в храме, уже начинало оседать в душе, и реальность вокруг постепенно возвращалась — не резко, а как тихий прилив.

— Как дела? — спросила Женя. Её вопрос не был формальным: в нём звучал искренний интерес.

— Работаю, пишу, анализирую... По экспедициям ску чаю, конечно.

— Почему не вернулся? Ты же талантливый археолог.

Андрей усмехнулся:

— Был. Ты же знаешь, что в науке много грязи — и она совсем не под ногами. Интриги, подтасовки, угождение начальству. А в нашем издании хотя бы честно: деньги за информацию.

— А разве в журналистике нет компромиссов?

— Есть. Но там я сам решаю, на что соглашаться.

— А у тебя как дела? — поинтересовался Андрей.

Женя с воодушевлением заговорила об экспедиции: о деревнях, где ещё живы носители древних традиций, о былинах и обрядах, исчезающих на глазах. В её голосе звучала страсть исследователя — та самая, что когда-то горела и в нём.

— Понимаешь, — говорила она, — там время течёт по-другому. Бабушки поют песни, которые их прабабушки

пели триста лет назад. И каждый раз песня звучит чуть-чуть по-новому, но остаётся той же. Это живая традиция.

— А у меня — новости, которые в полночь превращаются в тыкву, — вздохнул Андрей.

Разговор перешёл к воспоминаниям об университете, о совместных экспедициях, о том времени, когда будущее казалось ясным и полным смысла.

— Слушай, — вдруг сказала Женья, — а у тебя случаем отпуск не намечается?

— В мае. А что?

— У нас в экспедиции археолог нужен. Местные рассказывают про старинное капище, хотим обследовать. Университет оплатит дорогу и питание.

Андрей задумался. Предложение было заманчивым: возможность вернуться к истокам, заняться тем, чем давно хотелось.

— Условия спартанские, — продолжала Женья. — Спать в спальнике, мыться в бане, готовить на чём придётся. Зато настоящая работа и настоящие открытия.

— А что за капище?

— Говорят, очень древнее. Есть легенды о необычных явлениях.

В глазах Андрея загорелся знакомый огонёк — азарт исследователя, который, казалось, навсегда погребла московская рутина.

— Знаешь, что, — сказал он, — я согласен. Пора возвра-

щать себе профессию.

Женя открыто улыбнулась и протянула Андрею руку для пожатия, чтобы тем самым скрепить уговор.

Они обменялись контактами, обсудили детали. Женя должна была вернуться в деревню, а Андрей планировал присоединиться к группе, как только уладит все дела.

Выходя из кафе, оба понимали: этот день изменил их жизни. Встреча в храме, музыка, которая разбудила спящие струны души, неожиданное предложение — всё складывалось в мозаику судьбы. Храм провожал их золотым сиянием куполов в лучах заходящего солнца. Впереди ждала дорога.

Глава 4

Всё произошло стремительно. Заявление на отпуск редактор подписал не задумываясь. Техосмотр «Нивы» — надёжного спутника в дальней дороге — прошёл без проблем. Андрей торопился, стремясь как можно скорее окунуться в атмосферу «работы в поле». Он нервничал — опасался, что университетское начальство может передумать и ставку археолога уберут. Но удача была на его стороне и сборы прошли на удивление гладко и легко.

Утром он загрузил в багажник рюкзак с полевым снаряжением, спальный мешок и коробку с археологическими инструментами — их он хранил семь лет как память о прошлом. Навигатор показывал триста километров до цели, четыре с половиной часа пути.

Дорога разворачивалась серой лентой среди весенних полей. Апрельское солнце играло в прятки с облаками, то озаря еловые склоны, то укрывая их тенью. В низинах блестели озёрца талой воды, отражая небо. Последние островки грязного снега постепенно таяли под тёплыми лучами.

Андрей вёл машину не спеша. С каждым километром московская суэта растворялась в воздухе. Горизонт становился шире, мысли — яснее. Он словно сбрасывал с плеч груз столичной жизни.

За окном проплывали окраины Москвы с бетонными ко-

робками и рекламными щитами. Затем пошли пригороды с коттеджами за высокими заборами. Дальше — дачные кооперативы с домиками-скворечниками, невысокими штакетниками, сараями и огородами, где уже трудились первые дачники.

Воздух становился свежее. Андрей приоткрыл окно. В салон ворвался аромат талой земли и распускающихся почек. Этот запах он помнил с детства — запах России, существовавшей до бетонных джунглей.

В пути он размышлял о странности происходящего. Ещё вчера он был обычным московским журналистом, утомлённым рутинной. А теперь направлялся в деревню участвовать в этнографической экспедиции. Встреча с Женей всколыхнула страсть к познанию прошлого.

Воспоминания накатывали волнами. Первая экспедиция и тот момент, когда из земли показался край древнего горшка. Вечерние посиделки у костра, горячий чай в железной кружке.

Свернув с федеральной трассы на областную дорогу, Андрей почувствовал, как время замедлило бег. Встречные машины двигались неторопливо. По обочинам шли пешеходы с рюкзаками, ехали велосипедисты.

Населённые пункты становились меньше. Вместо райцентров — сёла, вместо сёл — деревни. Одни выглядели живыми: новые крыши, ухоженные палисадники. Другие застыли во времени: покосившиеся дома, заросшие огороды.

Навигатор уверенно вёл по асфальту, который становился всё хуже. Выбоины, заплатки, участки без покрытия заставляли снижать скорость.

За поворотом открылся вид на реку. Старый мост советской постройки, вблизи которого плотинка, построенная бобрами, создала широкий плёс. Стая серых цапель взлетела при приближении машины.

«Ещё двадцать километров», — сообщил женский голос навигатора.

Андрей остановился у сельского магазина. Решил купить что-нибудь к чаю для будущих коллег. Внутри Сельпо было тесно и пахло колбасой. Пожилая продавщица в очках пробивала покупки.

— Далеко едете? — спросила она.

— В Покровское. Там наши работают из университета.

— А, к студентам! Хорошие ребята. Песни старые записывают.

— Дорога нормальная?

— Дорога ничего, только в лесу легко заблудиться. Тропы все на одно лицо. По большаку лучше ехать.

Андрей расплатился. Женщина окликнула его: — И ещё. Если что странное увидите или услышите, не пугайтесь. Места у нас особые. Старые.

— Что значит особые?

Но продавщица лишь улыбнулась и махнула рукой.

Покровское встретило серым небом, запахом печного дыма и ветром. Деревня расположилась в излучине реки на склоне холма. Дома стояли вдоль единственной извилистой улицы — кто в линию, кто вразброс.

Деревянные дома традиционной северной постройки возвышались на высоких фундаментах. Широкие свесы крыш, резные наличники. Старые дома потемнели от времени, но стояли крепко. Новые повторяли старинные образцы.

Между домами раскинулись огороды. На молодой траве паслись коровы и козы. У одного дома на завалинке сидел дед в телогрейке, что-то строгал ножом. Увидев незнакомую машину, проводил её взглядом.

Дом культуры, где расположилась экспедиция, легко узнавался — двухэтажное кирпичное здание с облупившейся вывеской «ДК». Рядом — парк с липами и берёзами, монумент погибшим в ВОВ и чуть подальше современная детская площадка, с горками, качелями и спортивными снарядами.

Женя стояла у калитки. На ней были джинсы, толстый свитер, резиновые сапоги. Волосы собраны в хвост.

— Добро пожаловать в глушь, — сказала она, помогая выгрузить вещи. — Здесь ты встретишь всё — от древнерусских былин до современных легенд. От знахарок до председателя сельсовета, который уверен, что археологи — шпионы НАТО.

Андрей рассмеялся: — Ну, по крайней мере, агентом НАТО меня еще не называли.

Женя провела его в клуб, и Андрея сразу окутал знакомый с детства запах — терпкий аромат древесины, лёгкая горечь полыни и уютный дух горячего чая с выпечкой из импровизированной кухоньки экспедиции.

В фойе на стенах красовались фотографии: ветераны в парадных мундирах, передовики колхоза с медалями, школьные хоры и артисты самодеятельности шестидесятых. Здесь же хранились старые стенгазеты, вырезки из районной газеты, расписания киносеансов и афиши концертов местного ансамбля — всё аккуратно собрано и бережно оформлено, словно страницы семейного альбома.

— Мы обосновались в большом зале и подсобных поме-

щениях, — пояснила Женя, ведя его по коридору. — Условия, конечно, спартанские, но для работы вполне подходящие.

В просторном зале, некогда служившем для собраний и концертов, теперь расположился полевой лагерь экспедиции. Раскладушки и надувные матрасы с разложенными на них спальными мешками, самодельные столы из досок, штативы для аппаратуры, коробки с оборудованием — всё говорило о серьёзности намерений исследователей.

Участники экспедиции собрались познакомиться с новым коллегой. Заместитель Жени, Сергей Викторович Ковалёв — мужчина средних лет с проницательным взглядом и аккуратно подстриженной бородкой, типичный университетский преподаватель. Его крепкое рукопожатие сопровождалось внимательным, но доброжелательным взглядом.

— Наконец-то у нас появился настоящий археолог, — произнёс он с явным удовлетворением. — А то одни этнографы да филологи. Хорошо, что Женя тебя привлекла.

Коллектив встретил Андрея радушно — в полевых условиях лишняя пара опытных рук всегда пригодится, особенно если эти руки принадлежат специалисту. Его археологический опыт мог оказаться бесценным при исследовании местных артефактов.

Для проживания ему выделили бывшую костюмерную — небольшую комнатку с единственным окном, где поместились раскладушка, деревянный стул и самодельный столик.

С удовольствием сменив городскую одежду на удобные старые джинсы, тёплый свитер и крепкие ботинки — Андрей впервые за семь лет почувствовал себя настоящим археологом.

Вечером, после незатейливого ужина из тушёнки с макаронами, приготовленного на походной плитке, Андрей стоял на крыльце клуба, наслаждаясь чистым деревенским воздухом. Солнце медленно опускалось за лес, окрашивая небо в нежные розовые и золотистые тона. Из труб ближайших домов поднимались тонкие струйки дыма — хозяйки топили печи к ночи.

По улице неторопливо шли местные жители: пожилая женщина с вёдрами направлялась к колонке, мужчина с топором заходил в сарай за дровами, ребяташки на велосипедах с любопытством разглядывали приезжих исследователей.

Андрей достал свой полевой дневник — тот самый, что служил ему ещё в студенческие годы — и принялся записывать свои впечатления:

«Весна здесь — не просто время года, а особое состояние души. Деревня живёт в ритме природных циклов, чутко реагируя на каждое изменение погоды и освещения. В городе этого не замечаешь — там время искусственное, механическое. А здесь оно органическое, неразрывно связанное с землёй и небом. Это не просто быт или образ жизни — это нечто большее, то, чего мы, городские жители, разучились

замечать и понимать».

К нему подошла Женя с дымящейся кружкой чая: — Ну что, какие впечатления? Не жалеешь о своём решении?

— Нисколько. Такое чувство, будто вернулся домой после долгой разлуки.

— Это хорошо. Завтра начнём вводить тебя в курс дела. У нас тут много интересного.

Она немного помолчала и добавила: — И странного тоже.

Глава 5

Андрей проснулся от многоголосного хора: петушиного крика, собачьего лая, мычания коров и голосов идущих на работу людей. Солнечные лучи золотили комнату, а воздух наполнял свежий, едва уловимый цветочный аромат — несмотря на то, что цветы ещё не распустились.

Подснежники и медуницы едва показались в лесу — а лес стоял далеко, за изгибом реки. И всё же запах был здесь, ...сама земля, только-только покрывшаяся молодой травой, вдруг пыхнула ароматами — будто звала весну окончательно взять своё.

После завтрака Женя повела Андрея знакомиться с деревней. Спускаясь с крыльца Дома культуры, она начала рассказывать об окрестностях: — Центр деревни здесь. Церковь XVIII века с удивительной архитектурой. Рядом сельсовет, почта, магазин...

Её голос затих. На столбе забора, ограждающего территорию клуба, висела потёртая деревянная табличка, которой вчера ещё не было: ПОГОСТ РЕЧНОЙ, КАПИЩЕ МАКОШИ, МУЗЕЙ

— Что это? — спросил Андрей.

— Понятия не имею, — Женя выглядела озадаченной. — Вчера этой таблички не было, я уверена.

Она показала фотографию забора, сделанную три дня на-

зад: столб был на месте, но таблички не было.

— Может, кто-то из местных прибил ночью? — предположил Андрей.

— Не знаю, — Женя указала на табличку. — Смотри, краска потёртая, дерево потемнело от времени.

Действительно, табличка выглядела старинной, словно висела здесь годами. Но факт оставался фактом: три дня назад её не было.

Опросы коллег не прояснили ситуацию. Одни утверждали, что табличка была с самого начала, просто они не обращали внимания. Другие клялись, что видят её впервые.

Сергей Викторович, человек практичный, пожал плечами: — Ну прибил кто-то табличку...

Андрей молча рассматривал надпись, ища современные следы — свежий гвоздь, царапину от инструмента. Ничего не находилось. Табличка выглядела частью забора.

«Или я что-то упускаю, — подумал он. — Или мир стал менее предсказуемым, чем я думал».

— А что такое Погост Речной? — спросил он у Жени.

— Никогда не слышала такого названия. Но погост, ты знаешь, — это старинное понятие. Изначально так называли места сбора дани, куда прибывал князь с дружиной. Позже так стали называть территории вокруг церквей, а потом — кладбища с церквями.

— А капище Макоши?

— Макошь — богиня неясного происхождения. Её счита-

ли славянской, но позже возникли сомнения. Капище — сам знаешь, что это языческое святилище.

— И всё это — музей?

— Видимо, да. Но где он? И почему нам не рассказали?

Утро для Жени началось с чашки кофе и распределения заданий. В планшете хранились списки информантов, вопросники и аудиозаписи местных напевов, собранных за предыдущие дни. Раздав поручения участникам экспедиции, она погрузилась в обработку материалов.

В полевом дневнике Женя отмечала: «Здесь сходятся культурные влияния разных племенных групп. Это видно по местным легендам, особенностям говора, мотивам в резных украшениях домов, фрагментам вышивок и кружев. Территория явно была перекрёстком древних путей».

Андрей получил задание работать с мужской частью населения и собирать предания о местной истории. Стоя у калитки клуба, он привыкал к роли этнографа.

Журналистский опыт помогал открывать собеседников, но здесь требовалось нечто большее — не только завоевать доверие, но и умение слушать долгие неторопливые рассказы, где главное скрывалось между строк.

На крыльце уже собрались местные жители, с которыми Женя договорилась о работе. Среди них была Антонина Фёдоровна Ключникова — главная сказительница деревни. Рядом стояла Валентина Николаевна Бронникова, архивариус,

и несколько пожилых женщин, знавших обрядовые песни.

«Каждый род помнит своё», — вспомнила Женя слова, сказанные вчера. Именно поэтому Андрея направили к мужчинам — услышать их версию истории.

Он уже собирался к местному охотнику-рыболову, но задержался, услышав от одной из женщин: «А у нас поют по-другому».

Глубоким голосом, обладавшим мягким, ласкающим душу тембром, женщина запела:

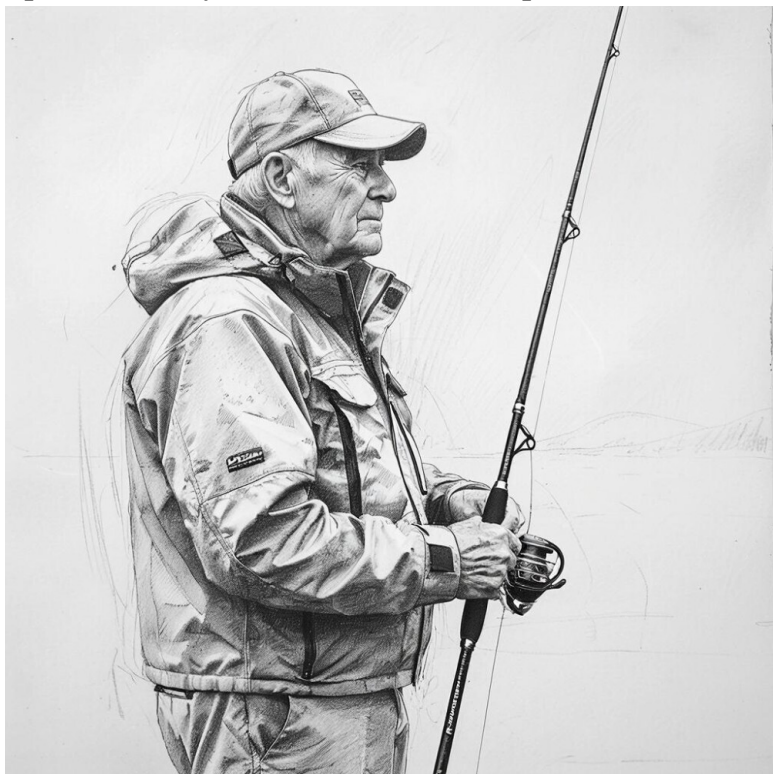
Зыбка детИ средь ветви. Ветр в
нощи славу поёт. Месяц-рожень, над
зыбкой твоей негу, благо во тьме
хоронИт. Слушати дитяток сказ
гимна ночи, что о свете поет.
Пушай песню пояше, в дрему со
звездой тебя выторже.

— У нас так было, — сказала она, закончив петь. — Хотя не больно складно, да ладно — дети под неё засыпали.

Андрей поверил ей мгновенно: сам едва не свалился с крыльца, так внезапно накатила дрёма. Только холод перил вернул его в реальность.

К клубу приближался Иван Петрович — охотник-рыболов, рекомендованный Женей. Андрей пошёл ему навстречу, поздоровался, представился и предложил отойти в

скверик — там будет спокойнее поговорить.

Иван Петрович — семидесятилетний мужчина с внимательным взглядом и неторопливой речью — охотно делился воспоминаниями о прежней жизни деревни.

— Раньше тут всё иначе было, — рассказывал он, попыхи-
вая сигаретой. — В каждом дворе скотина, огороды огром-

ные. Лес кормил — ягоды, грибы, дичь. Река рыбой полнилась. А теперь молодёжь в город разбежалась, одни старики остались.

— А старинные истории помните? Легенды, предания? — осторожно спросил Андрей.

Иван Петрович прищурился. Его взгляд на мгновение устремился мимо Андрея, туда, где тень от липы ложилась чёткой полосой на землю. Выдохнув дым, он тихо произнёс: — Истории? Не обучен я их сказывать, не учёный. А сказок много знаю — внуки любят слушать. Хочешь, и тебе сказку про наши места расскажу? Может, и про чужие что вспомню. Ты откуда сам будешь?

И Андрей принялся рассказывать о себе, об археологии, о работе Жени в университете, о своём интересе к местной культуре. Говорил о родителях, о первой влюблённости в седьмом классе. О том, как после армии не вернулся в науку, потому что «грязи много», и как теперь пишет новости, которые к утру теряют актуальность.

Через полчаса Андрей осознал, что он сам, опытный журналист, превратился в рассказчика для случайного собеседника. Он выкладывал словно на исповеди то, что годами хранил внутри.

Это вызывало неприятное чувство, которое он не мог ни определить, ни прогнать. Андрей всегда презирал душевную обнажённость. Тайные мысли, сокровенные надежды — не для чужих ушей. Такие вещи можно доверить лишь себе или,

если угодно, Богу. Но не случайному собеседнику на скамейке.

И вот теперь он сидел в деревенском сквере, изливая душу старику, который шурился на солнце и курил. Сигарета в его пальцах казалась бесконечной, словно время здесь остановилось.

Андрей встряхнул головой, пытаясь прийти в себя, подавил неприятное чувство и спросил: — Так какую сказку вы мне поведаете?

Иван Петрович, казалось, тоже только что очнулся. Он удивлённо посмотрел на сигарету, затушил, встряхнулся и задумчиво протянул: — М-да...

Придя в себя, он сказал: — Сказку, значит, просишь? И ждёшь, наверное, не хуже той, что сам рассказал.

Андрей сжал челюсти. Снова накатило чувство обнажённости.

— Ну что ж, — продолжил старик. — Вот тебе сказка...

К обеду Андрей записал несколько необычных историй: о старой мельнице, работавшей до войны, о церковных колоколах, спрятанных перед приходом советской власти, о лесном роднике с целебной водой, особенно действенной в полнолуние для тех, кто приходил с пряслицем, независимо от пола и возраста.

Иван Петрович помолчал, глядя на уходящий в небо дым. Затем, не глядя на Андрея, спросил: — А ты веришь, что камни могут помнить?

Андрей пожал плечами: — Как археолог знаю: камни хранят следы истории. А память ли это — не знаю.

Старик кивнул, будто этого ответа было достаточно.

— Тогда слушай. Есть тут одно место... Не скажу где. Но если сам найдёшь — значит, тебя допустили.

Он затушил едва начатую сигарету и начал рассказывать...

Глава 6

— Дед мой рассказывал: когда древний потоп отступил, из земных недр явился Чёрный Камень. Будто сама земля его изрыгнула. Лежит он с давних времён в урочище за лесом — чёрный, как смоль, гладкий, словно слеза, но холодный даже в зной.

Говорят, кто с чистым сердцем подойдёт — узнает правду о себе и роде своём. А кто с корыстью или злом — того болото заберёт. Не сразу, а через три дня. Но главная загадка камня не в этом — его невозможно сдвинуть с места ни на волосок.

В гражданскую здесь проходили колчаковцы. Про золото Колчака все слышали? Его до сих пор кое-кто ищет. В двадцатые, во время голода, сюда приезжали чекисты — искали золото под камнем, думали, там клад. Подложили динамит, взорвали — камень подпрыгнул и вернулся на место.

В шестидесятом году решили проложить дорогу. Камень мешал дорожникам — пытались сдвинуть его тракторами, тягачами, бульдозер проехал по нему. Ни царапины, ни движения, а техника вся сломалась. В девяностых один бизнесмен захотел вывезти камень на дачу как экзотику. Привязали тягач, рванули — канат лопнул, а камень остался, будто корнями врос. С тех пор его больше не трогали — себе дороже.

Иван Петрович замолчал. В тишине послышались шаги.

К скамейке подошли Валентина Николаевна и Анна Семёновна.

— Услышали, что про камешек рассказываете, — произнесла Валентина Николаевна. — У нас в роду помнят другое. Камень не простой — это ясно. Но не все знают, что на нём письмена высечены знаками, которыми пользовались местные народы до крещения Руси. Кто умеет их читать — тому тайны мира открываются. Но только в полнолуние. И только если сердце открыто, без тайных дум, с мыслями о жизни вокруг, а не о выгоде.

Анна Семёновна добавила: — Бабка моя говорила: камень — это граница. По одну сторону мы — живые, по другую — предки. Кто ступит на него — может говорить с пращурами. Но после таких бесед не все возвращаются. Те, кто остались — не пропали. Они служат.

Женя подошла с диктофоном: — А где именно это место? Все трое переглянулись.

— В лесу, за старой дорогой, — сказала Валентина Николаевна. — Километров пять, может, больше. Тропинка есть, но не всякий найдёт. Место само решает, кого пускать.

— А вы там были? — спросил Андрей.

— Я — нет, — призналась она. — Но Антонина Фёдоровна в молодости ходила. Только она об этом не любит говорить.

Антонина Фёдоровна, до этого стоявшая в стороне, приблизилась и покачала головой: — Некоторые вещи не для

разговоров. Кому надо — тот найдёт и дойдёт.

Иван Петрович кивнул и обернулся к крыльцу, где сидели ребята: — Мишка! Иди сюда!

Мальчишка лет двенадцати в растоптанных кроссовках и свитере с выцветшим логотипом подбежал.

— Беги домой, скажи бабушке — пусть даст карту из сундука, под платками. Ту, что от прадеда осталась.

Мальчик кивнул и побежал по влажной грунтовке. Вернулся запыхавшийся через десять минут: — Дедушка, баба сказала не потерять.

Это была старинная копия карты с пометками химическим карандашом: лес, река, поляна, «сильное место», «мёртвая вода», «сосна-дозор».

— От деда осталось, — пояснил Иван Петрович. — Говорил: карта ведёт к камню. Только идти надо осторожно, особенно в туман.

Андрей сфотографировал карту и переписал пометки. Что-то в этих рассказах задевало струны души, но он не понимал, как к этому относиться. Потом решил, что это просто непривычка — та наука, которой он посвятил себя, сильно отличалась от работы Жени.

Глава 7

К вечеру стало ясно: местные жители приготовили для гостей особый подарок. Антонина Фёдоровна подошла к Жене: — Хотите увидеть настоящий старинный обряд? Не театр, а то, что от предков идёт.

— Конечно! Что это за обряд?

— Пригласить дорогу называется. В старину его проводили, когда кто-то в дальний путь собирался — с товаром торговать, на заработки, на войну. Такого человека всем миром благословляли в дорогу, защиту от бед просили.

Женя переглянулась с Андреем. Такая возможность выпадает этнографам редко — стать свидетелями живого, действующего обряда.

— А мы можем участвовать или только наблюдать?

— Как Бог даст. Обряд сам решит.

После ужина, когда солнце уже садилось за лес, жители деревни стали собираться на поляне за околицей. Пришло около двадцати человек — в основном женщины разных возрастов, несколько пожилых мужчин. Каждый нёс что-то в руках: кто кусок хлеба, кто моток ниток, кто небольшой пучок сухой травы, кто цветы.

Поляна оказалась круглой, окружённой деревьями: с одной стороны — берёзами, с другой — осинами, с третьей — соснами. В центре уже лежали приготовленные дрова — не

просто костёр, а сложенная особым образом конструкция, напоминающая колодец.

— Огонь должен гореть ровно, без искр, — шёпотом объяснила Антонина Фёдоровна. — Это не простой костёр — это дорога для наших слов к тем, кто наверху.

Участники экспедиции стояли в стороне, стараясь не мешать. Андрей и один из аспирантов записывали происходящее на камеру; студенты — кто на телефон, кто на диктофон; Женя делала заметки в планшете. Но все без исключения были поглощены разворачивающимся действием. Они следили за происходящим с замиранием сердца — ведь такое редко увидишь. Подобное можно лишь прочесть в дневниках исследователей или, возможно, встретить краткое упоминание в учебниках.

Когда костёр разгорелся ровным, почти бездымным пламенем, прозвучали три чётких хлопка — не громко, но так, что были услышаны каждым. Это Антонина Фёдоровна подала знак к началу. Её голос поднялся над поляной — мощный, низкий, грудной, поднимающийся будто бы из самой земли, и узорочье напева было таким плотным, что казалось — сам воздух начал петь.

*Дорога дороженька,
Матушка широкая,
Прими наших гостей,
Веди их ровной тропой...*

Один за другим к ней присоединялись другие голоса —

не строя хор, а сплетая звуки, как ткачи сплетают нити: кто-то тянул низкий гул, кто-то выводил высокую жалобу, кто-то шептал слова замолва.

Женя узнавала отрывки плачей, напевы свадебных причитаний, но всё это сливалось воедино — не в песню, а в закличку, в зов, направленный не в небо, а вплетаемый в саму ткань мира.

Голоса переплетались, создавая сложную музыкальную ткань, складываясь во что-то совершенно новое, такого, которого Женя никогда ещё не слышала.

Круг людей медленно двинулся по солнцу. Не танец — движение размеренное, как дыхание земли. Ритм песни менялся, то убыстряясь, то замедляясь, отражая колебания пламени, которое то выстреливало вверх, то вспыхивало, создавая ровную окружность, то замирало, будто прислушиваясь к голосам людей.

И в какой-то момент пространство вокруг поляны изменилось. Звук больше не разносился по окрестностям, а наполнял собой всё окружающее. Каждый лист, каждая травинка, каждый камешек под ногами стал частью единого целого. Поляна больше не была лугом за околицей. Она стала местом, где время замедлилось, а стены вокруг нее были невидимы.

Андрей ощутил, как вибрация пронизывает его тело — от подошв до макушки. Это было не похоже на обычную музыку, а скорее напоминало физическое прикосновение.

Пространство наполнилось гулом, подобным звуку огромного концертного зала, где мощные колонки сотрясали воздух. Ощущения были настолько реальными, что казалось, будто он стоит перед акустической системой, способной заполнить звуком стадион.

Его журналистский скептицизм отступал перед древним, генетическим знанием. В этот момент Андрей понял: происходит не просто фольклорное представление, а подлинный ритуал.

Когда пламя начало угасать, круг замер.

Первой выступила пожилая женщина с потемневшим охотничьим ножом в руках.

— Не допусти! — воскликнула она и метнула нож в огонь.

Вместо того чтобы упасть в угли, клинок вспыхнул в воздухе и исчез, словно его поглотило пламя.

Следующая участница подняла зелёную ленту.

— Выстели! — прошептала она, бросая ленту перед костром.

Лента зависла в воздухе и растворилась в тени, будто следуя невидимому пути.

Третья женщина подошла с краюшкой чёрного хлеба.

— Благодарю, — произнесла она, кладя хлеб на угли.

Хлеб не дымился и не горел — он засветился мягким светом и растворился, словно его приняли невидимые руки.

Один за другим участники бросали дары: нитки для связывания пути, травы для очищения дороги, цветы для бла-

гословения.

И после каждого подношения огонь отвечал: то взмывал столбом, то сжимался в плотный свет, то замирал, будто прислушиваясь.

В воздухе появились несвойственные месту запахи: свежесть луговых трав после дождя, горечь морской соли, холод далёких снегов.

Андрей почувствовал, как по коже пробегает дрожь. Это не было иллюзией — происходящее было реальным.

Женя застыла, не в силах пошевелиться. Её ладони похолодели, хотя минуту назад их согревало пламя. Разум искал объяснения — оптический обман, массовый гипноз, игра света и тени. Но тело знало правду.

Студенты хранили молчание. Один машинально коснулся креста на груди. Катя Рыбакова стояла с закрытыми глазами, слёзы текли по её щекам, но она не издавала ни звука, боясь нарушить священную тишину.

Сергей Викторович не двигался. Его взгляд был прикован к угасающему костру, который он изучал с особой сосредоточенностью учёного, стремящегося запомнить каждую деталь, чтобы позже найти объяснение.

Пламя вспыхнуло в последний раз и мгновенно погасло, словно кто-то выключил его. Остались лишь зола и несколько тусклых угольков, остывших за считанные секунды.

Местные жители молча поклонились пепелищу — неглубоко, но с достоинством. Затем развернулись и пошли прочь,

не проронив ни слова, лишь шаги их эхом отзывались в мягкой земле.

Экспедиция осталась на поляне. Даже опытная Женя, видевшая многое за годы полевых работ, стояла в оцепенении.

— Что это было? — тихо спросил один из студентов.

— Не знаю, — ответила она. — Такого я ещё не видела.

Андрей подошёл к кострищу, опустился на корточки. Зола была обычной, угли — остывшими. Никаких следов ножа, ленты, хлеба — ничего.

— Может, нам показалось? — произнёс тот же студент.

Сергей Викторович наконец оторвал взгляд от пепелища. Посмотрел на юношу и спокойно произнёс:

— Если всем сразу показалось одно и то же — значит, это действительно произошло.

Через минуту все молча поклонились кострищу потому что чувствовали, что так должно.

Обратную дорогу прошли в тишине. Никто не заговаривал. Даже ветер в берёзах казался приглушённым.

В клубе никто не стал раздеваться. Просто легли на кровати, уставившись в потолок. Каждый думал своё, но все думали об одном: мир изменился.

Утром, не сговариваясь, Женя, Андрей и несколько студентов вернулись на поляну. Они искали хоть какой-то след вчерашнего обряда. Особенно надеялись найти зелёную ленту, которая пролетела мимо огня и, казалось, должна была за что-нибудь зацепиться.

Перебрали каждый куст, каждую травинку, заглянули под корни, обшарили мох у пней. Проверили даже ветви ближайших берёз — не зацепилась ли лента. Но ничего не нашли. Никаких следов. Лента исчезла, растворилась в воздухе.

Вернувшись в деревню, они заметили, что местные смотрят на них с лёгкой снисходительной усмешкой. Так смотрят на тех, кто впервые обратил внимание на то, что всегда было перед глазами, но они не хотели этого замечать.

У крыльца клуба их встретила Антонина Фёдоровна. Она помолчала, глядя на запylённые лица, и тихо произнесла:

— Ну что, городские... поняли теперь, в каких краях оказались?

В её словах не было торжества. Только искреннее сочувствие.

Глава 8

На следующий день после обряда Андрей направился в районный краеведческий музей. Его интересовали документы и археологические находки, способные пролить свет на вчерашние события.

Музей располагался в старинном купеческом особняке XIX века — двухэтажном кирпичном здании с высокими окнами и лепным декором. Внутри пахло старым деревом и пылью, скрипели полы, тускло светили витрины с пожелтевшими этикетками.

В хранилище Андрей погрузился в изучение папок с находками. Коллекция впечатляла: фрагменты валунов с остатками золы, обожжённые черепки, металлические артефакты — ножи, наконечники стрел, украшения. На камнях виднелись символы: спирали, ромбы, зигзаги — знаки перехода между мирами.

Керамика выглядела так, будто её намеренно разбили ударом по дну — как делали при закрытии святилища. Медные подвески несли дуальные мотивы: один лик к солнцу, другой к луне. На обломках жертвенника из чёрной глины чётко отпечаталась ладонь.

«Типичный набор для языческого капища», — отметил Андрей. Но тут же нахмурился: почему все находки несут только тёмные знаки? Ни одного солнечного круга или ог-

ненного креста. Будто половина ритуала исчезла из памяти.

Экспозиция вела через тысячелетия — от каменного века до современности. Стенды рассказывали о финно-угорских племенах, первых славянах, крещении. В углу за стеклом хранились материалы раскопок семидесятых годов: фотографии, схемы, записи учёных. Именно это Андрей и искал.

За спиной раздался голос: — Вы из экспедиции?

Андрей обернулся. Перед ним стоял пожилой мужчина лет шестидесяти пяти: седой, в очках, с небольшой бородкой, в поношенном костюме и мягких туфлях с резиновой подошвой.

— Андрей Жарский. — Виктор Павлович Соколов, — представился мужчина. — Руководство вашего университета хлопотало о доступе к фондам. Экспедицию интересует капище? — Он указал на дверь в конце зала. — Пройдёмте в запасники, покажу материалы.

В цокольном этаже, где располагалось хранилище, пахло чаем и старой бумагой. Стол хранителя был завален пухлыми папками.

— С чего начнём? — спросил Виктор Павлович. — Карты, журналы, дневники?

— Виктор Павлович, вы участвовали в раскопках. Может, начнём с вашего мнения?

— Можно. Место аномальное. Компас сходит с ума, техника барахлит, часы врут. Но все это далеко не редкость.

Главное — это ощущение чужого взгляда. Словно кто-то наблюдает за каждым вашим движением, следит, чтобы ничего не повредили. Все участники экспедиций это чувствовали. До недавнего времени этот «наблюдатель» вреда никому не чинил.

Виктор Павлович помолчал. — А не так давно был случай: сторож из деревни решил заночевать на капище. Нашли его через три дня в паре километров оттуда — седого, истощённого, немого. До сих пор не говорит.

Хранитель рассказал, как ученые узнали о капище. В 1974 году грибники случайно вышли на поляну с каменными валунами, наделали фотографий, показали их знакомым, так слух и дошел до историков. А вот местные жители всегда о нем знали, но никому не рассказывали. Считали это место опасным.

Раскопки длились три сезона. Находки впечатляли, но главная загадка оставалась неразгаданной.

— А сейчас там кто-нибудь бывает?

— Туристы иногда забредают, но быстро уходят. Местные стороной обходят. После истории со сторожем тем более.

После долгого разговора Виктор Павлович провёл Андрея в хранилище ценных материалов. На стене висела выцветшая карта — огромный лист старой бумаги в простой деревянной раме — на которой было показано два святилища. Под их изображением виднелась надпись старославянскими буквами: «Капище Белобога», «Капище Чернобога».

По обе стороны реки располагались два одинаковых круга. Одно святилище отмечали солнечные знаки, другое — лунные.

— Погодите, — остановил Андрей хранителя. — Археологи изучали только одно капище. Почему на карте их два?

Виктор Павлович указал на пожелтевшую бумагу: — В этом и заключается загадка. Святилища идентичны по размеру и расположению. Между ними течёт река Светлая. Сначала мы решили, что карту составили по чьему-то описанию. Возможно, картограф не знал точного места и отметил оба берега.

— А потом? — спросил Андрей.

— Потом мы поняли: второе капище должно существовать. Но его никто не видел, кроме автора карты.

— Кто создал карту?

— Неизвестно. Она хранилась здесь с дореволюционных времён. Бумага и чернила указывают на XVIII век. Но источник информации явно древнее.

— Вы искали второе капище?

— Конечно. Мы обследовали каждый метр противоположного берега, но ничего не нашли: ни камней, ни культурного слоя. Всё выглядит так, будто капища там никогда не было.

Виктор Павлович открыл сейф и достал папку с фотографиями. — Вот главная находка раскопок. Вернее, бывшая главная.

На снимке был камень размером с куриное яйцо, с отверстием в центре. Его поверхность украшали резные символы: древовидные узоры, спирали и змееподобные линии.

— Пряслице, — определил Андрей. — А символы — знаки Макоши.

— Верно, — подтвердил хранитель. — Но обратите внимание: в отверстии что-то замазано.

— Где сейчас камень?

Виктор Павлович вздохнул: — Три года назад он исчез из музея. Без следов взлома, сигнализация не сработала. Просто пропал из витрины.

— Украли?

— Сначала подумали так. Но через полгода камень нашли на месте раскопок — там, где его обнаружили. Вернули в музей — через месяц он снова исчез и вернулся на капище.

— И что, оставили там?

— А что делать? В третий раз забирать не стали. Видимо, его место там. Возможно, камень до сих пор лежит на капище.

— Возвращающийся камень...

— Да, — кивнул Виктор Павлович.

— Почему решили, что раскопанное капище принадлежало Чернобогу?

— По находкам. В культурных слоях нашли символику тёмных культов: перевёрнутые солнечные знаки, ночные мотивы, следы жертвоприношений. Материалов светлых куль-

тов почти нет. Всё указывает на поклонение ночным силам — луне, подземным богам, духам предков.

— А капище Белобога?

— Это загадка. По логике оно должно существовать. Древние славяне всегда соблюдали равновесие между светом и тьмой. Не может быть капища Чернобога без парного капища Белобога. Но где оно — никто не знает.

Виктор Павлович показал стенд с легендой XIX века:

«Случилось в северной земле: князь с дружиной прошёл по сёлам, воевал не с врагом, а с древней верой. Порубили два капища — Белобога на высокой горе, где всегда стоял свет, и Чернобога в низком урочище, где совершали требы в ночи. Храм Белобога порубили и сожгли без труда. А капище Чернобога долго не поддавалось: рубили и жгли, да топоры тупились, огонь не разгорался. Две недели бились. На третью — порубили и засыпали землёй глубоко. Как убралась воины — буря поднялась. Всю ночь ураган валил лес. Старики шептали: „Разрушили не тьму, а равновесие“».

— Антонина Фёдоровна из вашей деревни эту легенду знает, — добавил Виктор Павлович. — Только она говорит, что если выйти ночью на место капища, можно услышать, как два мира спорят — свет и тьма. Будто равновесие до сих пор не восстановлено.

Андрей сфотографировал карту и артефакты, записал даты и названия.

— Виктор Павлович, а вы не хотели бы поехать с нами на

капище? Ваши знания были бы очень полезны.

Старый музейщик покачал головой: — Нет, молодой человек. Я своё отслужил. Три раза там был — хватит. А вам советую быть осторожными. То место не прощает легкомыслия.

Он помолчал и тихо добавил: — Если найдёте второе капище — не торопитесь туда идти. Есть вещи, которые лучше оставить в покое. Равновесие нарушено уже тысячу лет. А что будет, если его восстановить... никто не знает.

Андрей поблагодарил хранителя и поспешил в деревню. Ему не терпелось поделиться находками с Женей — особенно загадкой двух капищ, одного раскопанного, другого невидимого, но, возможно, ставшего ключом ко всему.

По дороге он думал: если древние славяне строили парные святилища для баланса света и тьмы, где сейчас капище Белобога? Почему оно скрыто от глаз? И что случится, если его найти?

Глава 9

Предвечернее молчание окутало опушку. Андрей с Женей шли по компасу, ориентируясь на старую музейную карту. Урочище знали под разными именами — Погост Речной, капище Макоши, в документах значилось капище Чернобога, а местные звали просто Камнем у тёмной реки.

Ранним утром они вышли из деревни, взяв спальные мешки, термосы с чаем и запас продуктов. Женя несла диктофон и камеру, Андрей — фотоаппарат и полевой дневник. Оба понимали: если карта не врёт, сегодня они окажутся там, где прошлое ещё живо.

Первые два километра пролегли по лесной дороге, превратившейся в заросшую тропу. Весенний лес встретил недружелюбно: грязь по щиколотку, коварные корни, цепляющиеся ветви превращали путь в испытание.

— По карте до урочища пять километров, — сказала Женя, сверяясь с компасом. — Должны дойти за пару часов, если повезёт с дорогой.

Но местность оказалась изрезана оврагами, карстовыми воронками и буреломом. Прямая линия карты превратилась в извилистый путь.

Чем глубже они забирались, тем страннее становилась природа. Деревья изгибались под немыслимыми углами, ветви сплетались в узоры. Некоторые сосны почернели, будто

обожжённые, хотя следов пожара не было.

— Смотри, — Женя указала на землю. — Здесь почти нет травы. И птиц не слышно.

Действительно, лес молчал. Ни щебетания, ни стука дятла, ни шороха зверьков. Даже ветер затихал у крон.

Через час пути они вышли на поляну и решили передохнуть. Женя разлила чай по стаканчикам.

— Здесь, по преданиям, слышно двухголосье — голос Земли и ушедших веков, — вспомнила она слова Антонины Фёдоровны.

Они прислушались, но различали лишь давящую тишину.

— Жутковато, — признался Андрей. — Словно мы не в обычном лесу.

— А может, мы уже не в обычном лесу? — задумчиво ответила Женя. — Помнишь, что говорил Виктор Павлович? Место само решает, кого пускать.

Отдохнув, они двинулись дальше. Природа вдруг изменилась: деревья выпрямились, почва стала твёрже. Лесные запахи смешались с деревенскими — дымом, мокрой шерстью, кислым тестом.

Компас задрожал, стрелка металась. Андрей проверил часы — они показывали разное время, хотя утром были синхронизированы.

— Аномалии начинаются, — отметил он. — Виктор Павлович предупреждал.

Через полчаса деревья расступились, открывая порази-

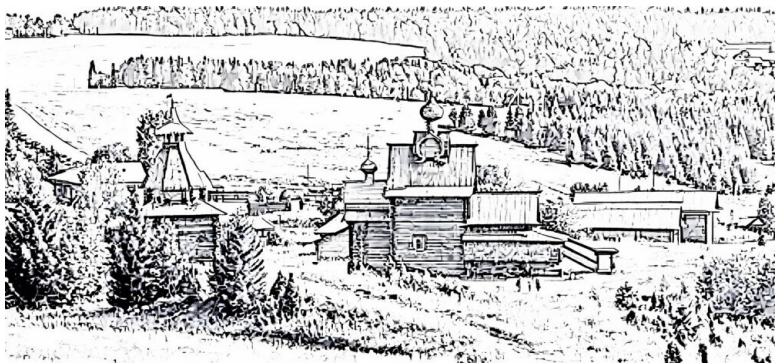
тельное зрелище...

Перед ними открылся правильный круг древних валунов. В центре возвышался огромный округлый камень с ровным отверстием. Тёмная поверхность была покрыта резными узорами: ёлочками, спиралями, зигзагами и змеиными линиями — знаки, знакомые Жене по этнографическим альбомам.

Но не это поразило исследователей. Андрей и Женя застыли: вместо заброшенного археологического памятника перед ними раскинулся современный музей под открытым небом.

Территория в несколько гектаров была огорожена новеньким штакетником. Центральные ворота стояли распахнутыми. У каменного круга примостился аккуратный домик смотрителя и аккуратная будочка, над которой красовалась табличка с надписью «касса».

Информационные щиты блестели яркими красками и свежим гляncем. На одном крупными буквами значилось: «ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС „КАПИЩЕ ЧЕРНОБОГА“. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

— Не может быть, — прошептала Женя. — Откуда здесь музей? В наших источниках ни слова об этом.

— И кто его содержит? — добавил Андрей. — Дорог нет, электричества быть не должно. А выглядит так, будто открыли вчера.

Они вошли через открытые ворота. Касса пустовала, но дверь не была заперта. На столе лежали свежие билеты, стояла недопитая кружка тёплого чая.

В домике смотрителя царил порядок. Пахло мятой, воском и деревом. Добротная мебель, электрочайник, тарелка со свежими пряниками.

Женя щёлкнула выключателем — зажёгся свет. На потолке висела трёхрожковая люстра.

— Электричество, — пробормотал Андрей. — А линий электропередач мы не видели.

За домом обнаружили дизельный генератор и сарай с

запасом топлива. Всё новое, качественное, недавно установленное.

Территория музейного комплекса раскинулась на несколько гектаров. Древность и современность слились здесь воедино. Восстановлены были все типы жилищ — от простой землянки до избы с резными наличниками. Ветряная мельница лениво поворачивала лопасти, а водяная — вращала колесо над искусственным ручьём.

Между постройками тянулись деревянные мостки. В витринах блестели орудия труда: серпы и косы, плуги и бороны, кузнечные инструменты, гончарные изделия. Солеварня с огромными чанами соседствовала с макетом древнего промысла.

«Постройки воссозданы по археологическим данным, — прочитала Женя табличку у кузницы. — Используются подлинные технологии и материалы эпохи».

Андрей изучал витрину с бытом: керамические сосуды, бронзовые украшения, костяные иглы, железные ножи. Экспонаты сопровождали описания на русском и английском.

— Коллекция не уступает областным музеям, — отметил Андрей. — А может, превосходит. Кто собрал всё это? И зачем?

— И почему никто не знает? — добавила Женя. — Такой музей должен быть известен и ученым, и любителям старины, и туристам.

Они обошли территорию, поражаясь деталям: от выло-

женных камнем дорожек до плетёных ограждений. Пустые окна и тишина нарушали иллюзию живой деревни.

Чем дольше они находились здесь, тем сильнее росла нереальность происходящего. Всё выглядело слишком правильным, слишком новым, слишком мёртвым.

В домике зрителя Женя попыталась дозвониться до Сергея Викторовича. Телефон показал «Нет сети», хотя час назад связь была отличной.

— Странно, — она повертела телефон. — У тебя как?

Андрей проверил — та же картина. Интернета нет.

За территорией связь появилась, но Сергей Викторович оказался вне зоны. Вернувшись, сигнал снова пропал.

— Локальная аномалия, — предположил Андрей. — Что-то глушит сигнал.

Женя включила рацию — только треск и помехи.

— Сергей будет волноваться, — забеспокоилась она.

— Переживёт до утра, — решил Андрей. — Вернёмся в деревню, всё расскажем. А пока изучим место.

Они выпили чаю с пряниками и взялись за записи. Женя фиксировала детали, Андрей фотографировал.

— Смотри, — Женя показала снимки центрального камня. — В центре спираль Макоши, по краям знаки Чернобога. Всё о переходе и выборе.

— Время на фотографиях разное, — заметил Андрей. — Снимал подряд, а часы показывают разное время суток.

Наручные часы тоже сбились: у Жени 15:30, у Андрея

18:45. Через пять минут цифры изменились.

— Время течёт иначе, — сказала Женя. — Антонина Фёдоровна говорила, что в урочище час может длиться как день.

Когда солнце почти село и наступили сумерки Андрей взял фонарь и вышел из домика. Он вдохнул вечерний воздух, постоял недолго на крылечке и направился к капищу.

Атмосфера вокруг была спокойной, вопреки деревенским рассказам. Никакой угрозы, всё умиротворённо. Даже сумрачные тени не пугали.

Женя последовала за ним. Ночной воздух пах влажной почвой и горьковатым дымом далёкого костра.

У каменного круга они остановились. В сумерках древние символы на камнях пульсировали, словно в такт невидимому сердцу.

— Чувствуешь? — тихо спросила Женя. — Здесь кто-то есть. Наблюдает.

Андрей кивнул. Он тоже ощущал присутствие древнего, могущественного, но не враждебного существа. Скорее любопытного.

Они переступили границу круга и приблизились к центральному камню. И тут реальность изменилась.

Из леса донёсся шелест множества шагов. Исследователи обернулись и увидели призрачные тени. До них долетел древний шёпот. Не слова — нечто иное. То, что воспринималось на уровне чувства, отзвука глубокой эмоции.

— Слышишь? — спросила Женья. — Это голос места.

Мир дрогнул. Время стало податливым. Перед глазами Андрея вспыхнули видения: круг огня, жрецы в звериных масках, женщины с клубками нитей, жертвенные караваи, ребёнок, прикладывающий ладонь к камню.

Женья ахнула, чувствуя страх и надежду сотен людей, приходивших сюда за советом. От камня шёл холод, земля под ногами теплела. Через отверстие в камне просачивалась другая эпоха.

Женья снимала происходящее, проговаривая впечатления. На экране камеры камень был окружён белым ореолом, рядом виднелась тень высокой женщины с распущенными волосами и поднятыми руками.

В памяти всплыли рассказы о разрушении капищ: выжженную землю, разбитые камни, срубленную священную ель.

— Это не памятник, — сказала Женья, выключая камеру. — Это рана времени. Место, где прошлое прорывается в настоящее. Если мы что-то нарушим, отвечать придётся не только за себя.

Связь с древним ритуалом была ощутимой, реальной.

Они вышли из круга и побрели к домику. В лесу за их спинами шептали листья, как шептали предки, обращаясь к забытым именам.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.